

УДК 94(5)+2-67

«Три религии» гаочанских уйгуров (IX–XII вв.)

Д. Е. Желобов

В статье рассматривается вопрос положения буддизма, манихейства и несторианства в Гаочан-Уйгурском государстве IX–XII вв. Исследуется динамика развития и взаимоотношения этих религий, их роль в политической, экономической и культурной истории Гаочан-Уйгурского государства. Делается вывод о перспективах изучения взаимодействия этих религий в Гаочан-Уйгурском государстве, о значении такого исследования для сравнительно-исторического религиоведения.

Ключевые слова: религиоведение; буддизм; манихейство; несторианство; уйгуры.

В Европе Нового времени на несколько веков прочно утвердился принцип *cuius regio, eius religio* («чья страна, того и вера»), указавший на связь между государством и вероисповеданием его граждан. В отношении почти каждого из европейских государств мы можем определенно ответить на вопрос, какая конфессия в нем доминирует. Тем не менее, и современность все более это демонстрирует, варианты взаимоотношений в треугольнике «религия – религия – государство» этим не исчерпываются. Так, в ряде государств Азии несколько религий, взаимодействуя, сосуществуют в одном государстве почти на равных. Подобная ситуация сложилась, например, в Японии, где почти одинаково распространены сразу три религии: синтоизм, буддизм и христианство. Не всякий японец может ответить на вопрос о том, последователем какой этих из религий он является. В Китае, где сложилась похожая картина из других компонентов: конфуцианства, даосизма и буддизма, – существует даже специальный термин *саньцзяо* ‘три религии’,

под которым понимается одинаковая важность и взаимопереплетение этих трех религий в общественном сознании. В истории подобные ситуации наблюдались и в Центральной Азии.

Уже в силу своего географического положения Центральная Азия всегда была регионом, где получали распространение, оказывали влияние друг на друга, «взаимопроникали» самые разнообразные религиозные системы. Основные регионы формирования человеческой цивилизации: Ближний Восток, Северная Индия и Центральный Китай – располагались как бы «вокруг» Центральной Азии, поэтому мировые религии, возникая в одном из этих регионов, зачастую распространялись в другой не напрямую, а именно через Центральную Азию. Так, этим путем проникли в Китай буддизм из Индии, а христианство, манихейство и ислам – с Ближнего Востока. Интенсивное взаимодействие различных религий в Центральной Азии дает нам целый ряд интереснейших примеров как конфликта, так и взаимопроникновения различных религий. Исследование этих примеров чрезвычайно актуально как для понимания современной ситуации в Центральной Азии, так и для изучения самих религий в компаративном аспекте. Одним из ярчайших примеров взаимодействия религий в Центральной Азии была религиозная ситуация в Гаочан-Уйгурском государстве в IX–XI веках.

Гаочан-Уйгурское государство сформировалось в результате распада Орхон-Уйгурского каганата и массовой миграции кочевых уйгуров в оазисы восточной части Таримской впадины. В 866 году уйгурский вождь Буку Чин захватил Турфанский оазис и район Бешбалика (Бейтина), выбив оттуда тибетский гарнизон, и основал новую династию [Малявкин, 1983]. Государственной религией кочевых уйгуров было манихейство, влияние которого в определенные периоды истории каганата достигало масштабов теократии. Поэтому и переселившиеся уйгуры, во всяком случае, их элита, исповедовали манихейство, в то время как религией местного населения захваченных оазисов на протяжении многих веков до этого был буддизм. В Турфанском оазисе, как и в остальных оазисах Таримской впадины, было множество бога-

тых монастырей и монахов, осуществлялся перевод буддийских текстов с санскрита на местные языки.

Манихейство кочевых уйгуров носило воинствующий характер, первоначально находясь в жесточайшем противоречии с буддизмом. Карабалгасунская надпись, ознаменовавшая принятие кочевыми уйгурами манихейства, содержала следующие слова: «Мы были невежественны в прошлом и называли демона буддой, теперь мы уже не повторим таких ошибок» [Li Tang, 2005, p. 18].

Воинствующий характер уйгурского манихейства продолжал сохраняться и после переселения уйгуров в Турфанский оазис и создания ими на его территории Гаочан-Уйгурского государства. Мухаммад б. Исхак ан-Надим в своей книге «Китаб ал-Фихрист» сообщает следующую историю. Во время правления халифа ал-Муктадира (880–942 гг. н. э.) около пятисот манихеев тайно собрались в Самарканде. Об этом стало известно хорасанскому эмиру, и он повелел их казнить. Узнав о таком приказе, «правитель Китая» (ан-Надим обоснованно считает его правителем токуз-огузов, т. е. уйгуров, т. к. никаких манихейских государств на территории Китая не существовало) велел передать эмиру, что в его («правителя Китая») владениях больше мусульман, чем манихеев во владениях эмира, и если эмир казнит хоть одного из манихеев, он уничтожит всех мусульман на территории своего государства. Хорасанский эмир был вынужден отпустить манихеев, ограничившись сбором с них дани [Li Tang, 2005].

Однако манихейство, еще в момент своего возникновения вобравшее в себя множество элементов буддизма, постепенно стало переходить к мирному сосуществованию с этой религией, выражаясь в похожих почти до степени неразличимости культурных и социальных формах. Постепенно даже среди элиты Гаочан-Уйгурского государства буддизм стал играть роль не менее важную, чем манихейство.

Уже в 965 году уйгурский правитель отправил посольство во главе с буддийским монахом Фа Юанем ко двору китайской империи Сун, которое преподнесло императору реликвию – зуб Будды. А в 981–984 го-

дах Гаочан-Уйгурское государство посетил сунский посол Ван Яньдэ, который обнаружил в городе Гаочан около 50 буддийских храмов, в каждом из которых хранилась копия «Типитаки» [宋史].

В Турфане археологами обнаружена богатая буддийская литература. На уйгурский в основном переводились буддийские тексты с тохарского и китайского языка. На тохарский – язык местного населения Турфанского оазиса – основной корпус текстов был переведен задолго до появления здесь уйгуров. Однако процессы вытеснения тохарского языка уйгурским и серьезное расхождение разговорного и письменного тохарского языка вызвали необходимость в переводе тохарских текстов.

Хотя известно, что буддизм проник в Китай именно с территории Таримской впадины, а одним из первых переводчиков буддийских текстов с санскрита на китайский был Кумараджива из Кучи, в Турфане возникла необходимость перевода этих текстов уже с китайского на уйгурский. Это можно объяснить следующим образом. В результате политической борьбы и непрерывных войн, а также, вероятно, религиозных гонений со стороны манихеев Орхон-Уйгурского каганата, многие тексты буддизма на тохарском языке, включая основополагающие, могли быть утрачены. Кроме того, буддизм Турфана находился в тесном взаимодействии с китайским буддизмом, и монашеские общины должны были пользоваться одинаковыми текстами.

Тюркский филолог Махмуд Кашгарский писал: «У уйгур чистый тюркский язык, а также другой язык, на котором они говорят между собой. В переписке они используют тюркское письмо ... кроме того, у них есть другое письмо, такое же, как и в Син, используемое в их священных книгах и списках, – оно известно лишь их духовенству». Здесь автор сообщает соответственно об уйгурском языке, тохарском языке ассимилируемого населения Турфанского оазиса, и о китайском языке буддийского духовенства [Махмуд ал-Кашгари, 2005].

Из переводов с китайского на уйгурский наиболее известны переводы Сингку Сели-тутуна из Бешбалика. Ему принадлежат переводы сутры «Золотой блеск» и биографии Сюаньцзана. Сутра «Золотой

блеск» (Сурванпрабхаса) пользовалась большой популярностью среди уйгуров, о чем свидетельствуют находки ее различных редакций. Существовали и другие переводы: «История принцев Кальянамкара и Папамкара», «Алмазная сутра» (полное название: «Ваджрачхедика Праджняпарамита сутра» – «Сутра о совершенной мудрости, рассекающей, как удар молнии»), «Сутра Вималакирти», «Абхидхармакоша», «Сутра Амиабхи», «Сутра Лотоса» («Саддхармапундарика сутра») [Тихонов, 1966].

Буддийская литература в Гаочан-Уйгурском государстве представлена различными жанрами, такими как канонические сочинения, легенды, проповеди. Помимо переводных проповедей составлялись новые. Эти проповеди посвящались религии, но, чтобы проповедь была более понятна слушателям, в них говорилось и о житейских проблемах.

Найденные в Турфане документы свидетельствуют о том, что грамотность среди уйгуров была распространена сравнительно широко. Хорошо образованные монахи проповедовали буддизм в монастырях и при императорских дворах других государств. Уйгурское государство в Ганьсу было в дружественных отношениях с гаочанскими уйгурами, и на территории этого государства, прежде всего в Дуньхуане, находят многочисленные копии буддийских текстов на уйгурском языке, практически идентичных турфанским [Тихонов, 1966].

Уйгурские монахи активно участвовали в распространении буддизма на территории тангутского государства Си Ся. В 1047 году тангутский император Ли Юаньхао построил большой монастырь Гаотай, где китайские книги на тангутский язык переводили уйгурские монахи. А в 1055 году был построен другой монастырь, где уйгурские монахи читали буддийские сутры на китайском языке преемнику Ли Юаньхао императору Ли Лянцзо. [Тихонов, 1966].

Буддийские монастыри играли огромную роль в культурной, политической и даже экономической жизни Гаочан-Уйгурского государства. Им принадлежали огромные земельные владения, поля и виноградники. Земли монастырей обрабатывались зависимыми от них крестья-

нами, а также сдавались в аренду. Внутри монастырей располагались ремесленные мастерские, склады продовольствия и других товаров. И монастыри в целом, и даже отдельные монахи могли выступать в качестве ростовщиков [Тихонов, 1966].

Между современными городами Турфан и Шаньшань в местности Безеклик сохранились пещеры с буддийскими фресками, которые, по всей видимости, представляют собой остатки крупного буддийского монастыря. Некоторые исследователи идентифицируют данный монастырь как неоднократно упоминающийся в турфанских текстах монастырь Муртлук. Предполагается, что Безеклик первоначально принадлежал манихеям и лишь позднее был превращен в буддийский монастырь. В Безеклике найдено большое количество предметов манихейского и буддийского искусства, таких как фрагменты манихейских рукописей, остатки шелковых тканей с рисунками, манихейские хоругви, картины на манихейские и буддийские сюжеты, скульптура и т. д. Пещеры с фресками расположены высоко на склоне горы, возвышаясь над долиной как естественная крепость [Тихонов, 1966]. Подобные пещеры обнаружены также в долине Туюк, где они являются частью так называемого «Туюк-мазара» – места традиционного культа современных уйгуров. Фрески, находящиеся в этих пещерах, по-видимому, послужили основой для создания уйгурской версии легенды о «Семи спящих отроках эфесских» [Чвырь, 2006]. Пещеры с буддийскими фресками также расположены в Кызыле в окрестностях города Куча, на крайнем западе территории Гаочан-Уйгурского государства. Поэтому можно предположить, что пещерные храмы были достаточно обычны для буддийской архитектуры этого государства.

Манихейство, хотя на позднем этапе существования Гаочан-Уйгурского государства и утратило господствующее положение, тем не менее, сохранилось в качестве второй по значимости религии. Манихейство среди населения Гаочан-Уйгурского государства было тесно связано с буддизмом. В проповедях уйгурских манихеев часто использовались стандартные буддийские выражения и обозначения, так, на-

пример, в некоторых манихейских документах Мани именуется *Майтрея*. Манихеи усвоили иерархическую структуру и экономическую политику буддийских монастырей. Манихейское духовенство Гаочан-Уйгурском государстве было крупным землевладельцем. Документы свидетельствуют о том, что государство предоставляло манихейским монастырям (так же, как и буддийским) большие участки земли с работающими на них крестьянами, от которых они через феодальные процедуры регулярно получали нормированную прибыль и, таким образом, фактически являлись владельцами крупных феодальных поместий [Тихонов, 1966].

Манихейское духовенство Гаочан-Уйгурского государства стало использовать систему строгой феодально-религиозной иерархии. Если в ранних манихейских общинах люди различались, прежде всего, по достигнутому уровню своего духовного совершенства в соответствии с идеалами культа и оставались равными внутри религиозной общины, то манихейское духовенство Гаочан-Уйгурского государства представляло собой строгую иерархию с высшими священнослужителями на ее верхних ступенях, пользовавшимися различными привилегиями, и рядовыми – на нижних. В некоторых храмах, например, чтобы получить привилегированный статус священнослужителя более высокого ранга, надо было пройти через телесные истязания [Li Tang, 2005].

В Турфане были обнаружены многочисленные манихейские документы на среднеперсидском, парфянском, уйгурском и согдийском языках. Манихейское письмо служило письменностью манихейской церкви, было заимствовано для записи уйгурского языка в Орхон-Уйгурском каганате и, несмотря на уменьшение влияния манихейства, активно использовалось в Гаочан-Уйгурском государстве. Среди этих документов представлены классические сочинения манихеев Ирана и Центральной Азии, каноны, толкования и комментарии, религиозная мифология, сочинения об истории церкви, духовные песнопения и молитвы, вероучительные тексты. В Гаочане и Бешбалике были обнаружены многочисленные фрески и рисунки на шелке. Среди их

сюжетов – «Проповедующий Мани», «Три главных древа» (деревья, символизирующие царство света), «Флаги и вымпелы», «Музыканты», «Исповедание», «Избранные жены», «Богини и покровители» [Li Tang, 2005].

Еще одной значимой религией Гаочан-Уйгурского государства было несторианство. Несторианство возникло как форма христианства на основе христологического учения, приписываемого константинопольскому архиепископу Несторию, в 431 году, когда на Третьем Вселенском соборе в Эфесе учение Нестория было осуждено. Несторианство подвергалось гонениям в Византийской Империи как ересь, однако широко распространилось на ее восточных территориях, особенно в Сирии. Впоследствии оно было поддержано Иранскими шахиншахами, боровшимися с Византией, и уже из Ирана проникло в Центральную Азию и даже в Китай. В Турфанском оазисе несторианство распространилось уже в V–VI веках, а после мусульманского завоевания Согдианы (709–712 гг.), гонений на «иноземные религии» в Китае (845 г.) и исламизации Караханидского каганата (960 г.) [Бартольд, 1968] значительно укрепилось, хотя его влияние никогда не превосходило влияние буддизма и манихейства.

Первый этап распространения несторианства на территории Турфанского оазиса был связан с согдийской колонизацией, согдийский язык в Согдиане и Таримской впадине стал фактически вторым языком несторианской церкви после сирийского. Уже после возникновения Гаочан-Уйгурского государства и распространения среди населения Кучи, Карашара и Турфана уйгурского языка несторианская литература активно переводилась на уйгурский. Число найденных фрагментов уйгурских несторианских текстов велико, хотя и уступает количеству текстов на согдийском. Так, были обнаружены отрывки из жития Св. Георгия, описание Рождества и поклонения волхвов, отрывки из Псалтыри для таинства венчания [Никитин, 1992].

В городе Гаочан археологами была найдена христианская церковь, а за северо-восточными воротами города – руины небольшого

монастыря. На стенах церкви были найдены фрески с изображениями Св. Георгия и Вербного воскресения [Никитин, 1992]. Несмотря на то, что несторианство было представлено в Гаочан-Уйгурском государстве незначительно (в сравнении с другими религиями), влияние несторианской общины было велико. Именно уйгурские несториане обратили в христианство кераитов, найманов, распространили его среди онгутов, гузов и чигилей. Есть основания полагать, что была христианизирована даже элита Киданьского государства в Джунгарии. Успехи уйгурской несторианской миссии среди степных народов породили в Европе легенду о «Царстве пресвитера Иоанна» – могучем христианском государстве на Востоке [Гумилев, 2002]. Несомненно, что роль христианства в Гаочан-Уйгурском государстве домонгольской эпохи существенно возросла с течением времени.

Из археологических находок, размера и количества обнаруженных храмов и монастырей, соотношения сохранившихся текстов определенно видно, что самое большое влияние в Гаочан-Уйгурском государстве имел буддизм, за ним следовало манихейство, и совсем небольшим влиянием пользовалось несторианство. Такая ситуация находит подтверждение и в письменных источниках, например, у Гардизи [Бартольд, 1973]. Причем влияние манихейства с течением времени постепенно уменьшалось, а влияние несторианства росло. Причины этого не вполне ясны.

Из всего вышеизложенного видно, что Гаочан-Уйгурское государство является примером редкого сочетания различных по происхождению и вероучению религиозных систем. Его изучение открывает перспективы для развития сравнительного религиоведения, для исследования взаимодействия религий.

Литература

1. *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии / В. В. Бартольд // Бартольд В. В. Сочинения : в 9 томах / акад. В. В. Бартольд ; [редкол.: А. М. Беленицкий и др. ; Акад. наук СССР, Ин-т на-

родов Азии]. – Т. 5 : Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов / [отв. ред. А. Н. Кононов]. – Москва : Наука, 1968. – С. 19–175.

2. *Бартольд В. В.* «Извлечение из сочинения Гардизи Зайн ал-ахбār» : приложение к «Отчёту о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893–1894 гг.» / В. В. Бартольд // Бартольд В. В. Сочинения : в 9 томах / акад. В. В. Бартольд ; [редкол.: А. М. Беленицкий и др. ; Акад. наук СССР, Ин-т народов Азии]. – Т. 8 : Работы по источниковедению. – Москва : Наука, 1973. – С. 23–63.

3. *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства : Легенда о «государстве пресвитера Иоанна» / Л. Н. Гумилев. – Москва : Айрис-пресс, 2002. – 432 с.

4. *Малявкин А. Г.* Уйгурские государства в IX–XII веках / А. Г. Малявкин. – Новосибирск : Наука, 1983. – 297 с.

5. *Махмуд ал-Кашгари.* Диван лугат ат-турк : свод тюркских слов / Махмуд ал-Кашгари ; пер., пред., и комм. З.-А. М. Ауэзовой. – Алматы, 2005. – 1288 с..

6. *Никитин А. Б.* Христианство в Центральной Азии / А. Б. Никитин // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье : Этнос, языки, религии / [В. В. Иванов, М. И. Воробьева-Десятовская, Л. Г. Герценберг и др.] ; под ред. Б. А. Литвинского; Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. – Москва : Наука, 1992. – С. 121–137.

7. *Тихонов Д. И.* Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X–XIV вв. / Д. И. Тихонов. – Москва–Ленинград : Наука, 1966. – 291 с.

8. *Чவர்ь Л. А.* Обряды и верования уйгуров в XIX–XX вв. : очерки народного ислама в Туркестане / Л. А. Чவர்ь – Москва : Восточная литература, 2006. – 288 с.

9. *Li Tang.* A History of Uighur Religious Conversions (5th – 16th Centuries) / Li Tang [Электронный ресурс] ; Asia Research Institute, National University of Singapore : Working Paper Series. – No. 44 – June 2005. – Режим доступа: <http://www.ari.nus.edu.sg/showfile.asp?pubid=518&type=2>.

10. 宋史. 卷四百九十. / 脱脱 [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.guoxue123.com/shibu/0101/00songs/489.htm>.

© Желобов Д. Е., 2012

Three Religions of Gaochan Uigurs (IX–XII Centuries)

D. Zhelobov

The article addresses the problem of the position of Buddhism, Manichaeism and Nestorianism in the Gaochan-Uigur state of the IX–XII centuries. The author studies the dynamics of these religions' development and relationships, their role in the political, economic and cultural history of the Gaochan-Uigur state. The conclusion is drawn on the prospects of studying these religions' interactions in the Gaochan-Uigur state and the significance of such study for comparative historical religiology.

Key words: religiology; Buddhism; Manichaeism; Nestorianism; Uigurs.

Желобов Дмитрий Евгеньевич, аспирант, кафедры востоковедения, Институт социальных и политических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), dezhelobov@gmail.com.

Zhelobov, D., post-graduate student, Department of Oriental Studies, Institute of Social and Political Sciences, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N.Yeltsin, dezhelobov@gmail.com.